

ПРЕДВЕШНЕЙ ПОРОЮ

Как-то раз в начале девяностых годов нашему другу Кнульпу пришлось несколько недель провести в больнице, вышел он оттуда в середине февраля, погода стояла премерзкая, так что уже за считанные дни пешего странствия у него опять начался озноб и он волей-неволей стал подумывать о пристанище. На нехватку друзей Кнульп пожаловаться не мог и почти в каждом из окрестных городков легко нашел бы гостеприимный кров. Но в этом смысле он был на удивление самолюбив, до такой степени, что, принимая помощь от друга, словно бы оказывал ему большую честь.

На сей раз он вспомнил лехштеттенского кожевника Эмиля Ротфуса и вечером, в дождь и ветер, постучал в уже запертую дверь его дома. Кожевник приоткрыл ставню на верхнем этаже и крикнул в темный переулок:

— Кто там? Что за спешка, неужто до утра нельзя подождать?

Услыхав голос старого друга, Кнульп, невзирая на усталость, мигом взбодрился. А поскольку на память пришел стишок, сложенный много лет назад, когда он целый месяц странствовал за компанию с Эмилем Ротфусом, он сей же час пропел:

Сидит усталый путник
В трактире за столом,
Нетрудно догадаться,
То блудный сын пришел.

Кожевник немедля широко распахнул ставню и высунулся из окна.

— Кнульп! Нешто вправду ты, или мне померешилось?

— Я! — отозвался Кнульп. — Может, все-таки на крыльцо выйдешь? Или так и будем перекликаться через окно?

С веселой поспешностью Ротфус спустился вниз, отворил дверь и маленькой коптящей керосиновой лампой осветил прищельцу в лицо, так что тот невольно зажмурился.

— Заходи же скорей! — взволнованно воскликнул кожевник и потянул друга в дом. — Рассказывать будешь потом. Тут кое-что оста-

лось от ужина и постель тоже найдется. Господи, в этакую канальскую погоду! Обувка-то у тебя хотя бы крепкая, а?

Он так и сыпал вопросами и дивился, а Кнульп тем временем подошел к полутемной лестнице, заботливо расправил подшитые тесьмой штанины и уверенно поднялся по ступенькам, хотя не бывал в этом доме уже четыре года. В верхнем коридоре, у дверей горницы, он на миг приостановился и за руку удержал кожевника, который приглашал его войти.

— Слушай, — прошептал он, — ты ведь теперь женат, да?

— Ясное дело, женат.

— То-то и оно... Видишь ли, жена твоя меня не знает и, чего доброго, не обрадуется. А мешать вам я не хочу.

— Да что ты такое говоришь! Мешать! — рассмеялся Ротфус, распахнул дверь и втолкнул Кнульпа с светлую комнату.

Над большим обеденным столом висела на трех цепочках внушительная керосиновая лампа, легкий табачный дымок витал в воздухе, тонкими струйками тянулся к горячему колпаку, вихрем взлетал вверх и исчезал. На столе лежали газета и свиной пузырь, полный курительного табаку, а с узкого диванчика у короткой

стены вскочила молодая хозяйка, с несколько наигранной и смущенной бодростью, будто ее только что разбудили и она не хочет этого показать. На секунду Кнульп как бы в растерянности зажмурился от яркого света, потом посмотрел в ее светло-серые глаза и с учтивым поклоном протянул руку.

— Вот, это она, — смеясь, сказал хозяин. — А это Кнульп, мой друг Кнульп, помнишь, мы о нем говорили. Разумеется, он у нас погостит, ночевать будет на кровати подмастерья. Она ведь пустует. Но перво-наперво мы все выпьем по стаканчику сидра, и Кнульпа надо накормить. У нас есть еще ливерная колбаса, верно?

Хозяйка поспешила вон из комнаты, Кнульп проводил ее взглядом.

— Все ж таки она немножко оробела, — тихо сказал он.

Ротфус, однако, с ним не согласился.

— Детей у вас пока нет? — спросил Кнульп.

Меж тем хозяйка вернулась, принесла на оловянной тарелке колбасу, поставила рядом хлебную досочку, посредине которой аккуратно, срезом вниз, лежала половина ржаного каравай, а по закругленному краю бежала затейливая резная надпись: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

— Знаешь, Лиз, о чем Кнульп только что меня спросил?

— Оставь! — запротестовал тот. И с улыбкой обратился к хозяйке: — Ах, сударыня, вы позволите?

Но Ротфус не унимался:

— Он спросил, есть ли у нас дети.

— Ну и что! — засмеялась она и опять убежала.

— Так у вас нет детей? — спросил Кнульп, когда она исчезла.

— Пока нет. Она не торопится, знаешь ли, и в первые годы так даже лучше. Да ты угощайся, приятного тебе аппетита!

Жена меж тем принесла серо-голубой фаянсовый кувшин с сидром, поставила на стол три стакана, наполнила их. Действовала она ловко, расторопно, и Кнульп, глядя на нее, улыбнулся.

— Твое здоровье, дружище! — вскричал хозяин и потянулся чокнуться с Кнульпом. Но тот галантно воскликнул:

— Прежде дамы. Ваше бесценное здоровье, сударыня! И твое здоровье, старина!

Они чокнулись и выпили, Ротфус, сияя от радости, подмигнул жене: заметила ли она, какие превосходные манеры у его друга. Она же, конечно, давно их заметила и сказала:

— Вот видишь, господин Кнульп учтивее тебя, знает, каков обычай.

— Ну что вы, — сказал гость, — каждый поступает так, как научен. Что же до манер, то вы, право, смущаете меня, сударыня. А до чего красиво вы накрыли на стол, будто в лучшем отеле!

— Ясное дело, — рассмеялся кожевник, — ведь она этому научена.

— Вот как, и где же? Ваш батюшка держит трактир?

— Нет, батюшка мой давно в могиле, я, почитай что, и не знала его. Но несколько лет служила подавальщицей в «Быке», коли вам знакомо это заведение.

— В «Быке»? Раньше это был лучший постоянный двор в Лехштеттене, — похвалил Кнульп.

— И сейчас тоже. Верно, Эмиль? У нас проживали почти одни только коммивояжеры да туристы.

— Охотно верю, сударыня. Место, конечно, хоть куда и заработок отличный! Но собственный дом все-таки лучше, верно?

Он не спеша, с наслаждением намазал на хлеб мягкую колбасу, тщательно снятую шкурку положил на край тарелки и временами отпивал глоток доброго золотистого сидра. Хозяин

с удовольствием и почтением следил, как аккуратно и легко его тонкие ухоженные руки совершают необходимые движения, да и хозяйка тоже наблюдала с одобрением.

— Однако ж вид у тебя неважнецкий, — немного погодя принялся укорять Кнульпа Эмиль Ротфус, и тот, хочешь не хочешь, признался, что недавно хворал и лежал в больнице. Правда, о тягостных подробностях умолчал. Затем кожевник спросил, чем он теперь думает заняться, и от души предложил стол и кров на любой срок; Кнульп как раз этого и ожидал, как раз на это и рассчитывал, но словно бы стушевался, ушел от ответа, вскользь поблагодарил и отложил обсуждение этих дел назавтра.

— Об этом не поздно потолковать завтра или послезавтра, — как бы между прочим обронил он, — время, слава богу, терпит, во всяком случае, я побуду здесь еще немного.

Не любил Кнульп строить планы и давать обещания на долгий срок. И если свободно не располагал грядущим днем, то чувствовал себя не в своей тарелке.

— Коли я в самом деле задержусь на некоторое время, — помолчав, сказал он, — тебе надобно записать меня своим подмастерьем.

— Да ну тебя! — рассмеялся хозяин. — Ты — у меня в подмастерьях! Вдобавок ты ведь не кожевник.

— И что с того, неужели непонятно? Кожевенное дело меня совершенно не интересует, оно, конечно, ремесло замечательное, но к работе у меня таланта нет. А вот моему дорожному паспорту будет польза, знаешь ли. Уж тогда я получу пособие по болезни.

— Можно на него поглядеть, на твой паспорт?

Кнульп слазил в нагрудный карман своего почти нового костюма и достал сей документ, который хранил в аккуратном клеенчатом футляре.

Кожевник осмотрел его и рассмеялся:

— Безупречно, как всегда! Ты будто только вчера утром уехал от маменьки.

Потом, изучив записи и печати, он с глубоким восхищением покачал головой:

— Да-а, вот порядок так порядок! Все у тебя должно быть в ажуре, иначе никак.

Надо сказать, Кнульп неукоснительно пекся о том, чтобы паспорт был в полном порядке. В своей безупречности сей документ являл собою прелестную фикцию или вымысел, и официально заверенные записи знамено-

вали сплошь славные вехи достойной и дельной жизни, в коей привлекала внимание лишь страсть к скитаниям — в форме весьма частой перемены мест. Засвидетельствованную в этом официальном паспорте жизнь Кнульп себе придумал и сотнями ухищрений продолжал вести это мнимое существование, нередко под угрозой разоблачения, ведь на самом деле он хотя и совершал не так чтобы много недозволенного, но был безработным бродягой, и жизнь его иначе как незаконной и презренной не назовешь. Конечно, вряд ли ему удалось бы столь успешно продолжать свою милую выдумку, не будь поголовно все жандармы настроены к нему благожелательно. По возможности, они оставляли в покое веселого, незаурядного человека, чье духовное превосходство, а порой и серьезность внушали им уважение. Приводов Кнульп почти не имел, в воровстве и попрошайничестве уличен не был, да и почтенных друзей у него повсюду хватало; вот его и пропускали, не трогали, примерно так позволяют жить в доме красивой кошке: всяк полагает, что снисходительно терпит ее, а она меж тем, не ведая забот, живет себе средь прилежных и озабоченных людей беспечно-светской, роскошно-барской и праздной жизнью.

— Не заявись я, вы бы, верно, давно десятый сон видели! — воскликнул Кнульп, забирая свои бумаги. Встал и вежливо поклонился хозяйке. — Идем, Ротфус, покажешь мне мою кровать.

Хозяин со свечою проводил его по узкой лестнице наверх, в мансарду, в комнатку подмастерья. Там у стены стояла пустая железная кровать, а рядом — деревянная, с матрасом и всем прочим.

— Грелку хочешь? — отечески спросил хозяин.

— Этого еще недоставало! — рассмеялся Кнульп. — Тебе, сударь мой, она, ясное дело, ни к чему, женушка-то у тебя вон какая прелестная.

— Я тебе так скажу, — с жаром отвечал Ротфус, — вот сейчас ты ляжешь в холодную постель подмастерья, в мансарде, порой ночуешь и в еще худшей, а иной раз вовсе никакой не имеешь, поневоле спишь в сене. А вот у нашего брата и дом есть, и дело, и милая женушка. Знаешь, если б захотел, ты давно бы мог стать мастером.

Кнульп тем временем поспешно разделся и, зябко поеживаясь, улегся в холодную постель.

— Будешь продолжать? — спросил он. — Мне тут удобно, могу послушать.

— Я серьезно, Кнульп.

— Я тоже, Ротфус. Только не воображай, будто женитьба — твое изобретение. Стало быть, покойной ночи!

На следующий день Кнульп вставать не стал. Он еще испытывал некоторую слабость и в такую погоду вряд ли бы вышел из дому. Кожевника, который утром заглянул к нему, он попросил не тревожиться, оставить его в покое и только в обед принести наверх тарелку супа.

Так он целый день тихонько и убаготворенно лежал в сумеречной мансардной комнатке, чувствовал, как уходят озноб и дорожные тяготы, и с удовольствием предавался отрадному ощущению теплой защищенности. Слушал усердный стук дождя по крыше и ветер, который, предвещая оттепель, неугомонно и мягко налетал капризными порывами. Порой он на полчаса засыпал либо, пока было достаточно светло, читал что-нибудь из своей походной библиотеки; состояла она из листков, на которые он переписал себе кой-какие стихи и афоризмы, и небольшой пачки газетных вырезок. Было там и несколько картинок, их он тоже нашел в еже-

недельниках и вырезал. Двум из них он отдавал особое предпочтение, и оттого, что часто их доставал, выглядели они уже ветхими и потрепанными. Одна изображала актрису Элеонору Дузе¹, вторая — парусный корабль в открытом штормовом море. С отроческих лет Кнульп питал огромное пристрастие к Северу и к морю, не раз намеревался там побывать и однажды дошел аж до брауншвейгских земель. Но его, перелетную птицу, что вечно странствовала и нигде не могла задержаться надолго, диковинная боязливость и любовь к родимым местам вновь и вновь быстрыми переходами гнали обратно, на юг Германии. Возможно, вдобавок он терял беспечность, очутившись в краях чужого говора и чужих обычаев, где никто его не знал и где ему было трудно содержать в порядке свой легендарный дорожный паспорт.

В полуденный час кожевник принес ему суп и хлеб. Вошел на цыпочках и говорил испуганным шепотом, поскольку считал Кнульпа больным, сам-то со времен детских хворей никогда среди бела дня в постели не разлеживался. Кнульп чувствовал себя превосходно, однако не дал себе труда что-либо объяснять, только

¹ Дузе Элеонора (1858–1924) — знаменитая итальянская драматическая актриса.

заверил, что завтра будет здоровехонек и встанет.

Ближе к вечеру в дверь комнатки постучали, а поскольку Кнульп задремал и не ответил, хозяйка тихонько вошла и вместо пустой суповой тарелки поставила на скамеечку у кровати чашку кофе с молоком.

Кнульп, разумеется, слышал, как она вошла, но то ли от усталости, то ли по капризу так и лежал с закрытыми глазами, ничем не показывая, что не спит. С пустой тарелкой в руке хозяйка взглянула на спящего, который подложил под голову локоть, прикрытый клетчатой голубой рубашкой. Ей бросилась в глаза шелковистость темных волос и почти детская красота беззаботного лица, и она на миг задержалась, разглядывая пригожего парня, о котором мастер рассказывал ей столько удивительных историй. Смотрела на густые брови над закрытыми глазами, на нежный светлый лоб и худые, однако загорелые щеки, на изящный румяный рот и стройную шею, и все это пришлось ей по душе, и она припомнила времена, когда служила подавальщицей в «Быке» и по вешней прихоти иной раз принимала ухаживания какого-нибудь пригожего чужого парня.